

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

А.Л. Катанский

Вопрос о соединении церквей
восточной и западной (в первый
его период) на греческом востоке
и латинском западе (1053 - 1453)

Опубликовано:

Христианское чтение. 1868. № 3. С. 367-399.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

ВОПРОСЪ

О СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ (ВЪ ПЕРВЫЙ ЕГО ПЕРІОДЪ) НА ГРЕЧЕСКОМЪ ВОСТОКЪ И ЛАТИНСКОМЪ ЗАПАДЪ (1053—1453).

(Продолженіе)

Со вступленіемъ на престолъ Андроника по смерти Михаила Палеолога (1) наступаютъ послѣдніе времена

(1) Позволимъ себѣ еще разъ остановиться на этой замѣчательной личности. Мы доселѣ смотрѣли на него какъ на религіознаго дѣятеля. Съ этой точки зрѣнія безусловно М. Палеологъ не заслуживаетъ сочувствія и не возбуждаетъ къ себѣ уваженія. Другое дѣло, если мы посмотримъ на него, какъ на дѣятеля государственнаго. Онъ былъ замѣчательный, даровитый государь, но жилъ въ очень трудныя времена. Если мы припомнимъ, что въ теченіе всего своего царствованія онъ отвсюду былъ окруженъ политическими врагами, и что онъ, какъ умный и энергическій человекъ, не будучи въ состояніи пассивно относиться къ такому положенію дѣлъ, съ необыкновеннымъ политическимъ талантомъ умѣлъ пользоваться единственнымъ средствомъ, бывшимъ у него въ рукахъ — обезоружить большую часть своихъ враговъ (мыслью объ умѣ), то, отрицая его достоинства нравственныя, не можемъ отказать ему въ достоинствахъ умственныхъ, и въ этомъ отношеніи не можемъ не чувствовать къ нему уваженія. Въ теченіе 20 лѣтъ (1261—1281) при 8 нападахъ онъ умѣлъ сдерживать Западъ. Овладевъ Константинополемъ (1261 г.), при папѣ Урбанѣ IV, бывшемъ прежде латинскимъ патріархомъ въ Константинополѣ, онъ сразу же очутился окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами. Урбанъ вооружаетъ противъ него весь Западъ: повелѣваетъ ордену францисканцевъ во Франціи (Rayn. 1262 n. 37—38) и епископамъ многихъ другихъ катол. областей (Ibid. 1264 n. 55—56)

ліонской уніи. Теперь ничто уже не располагало поддерживать прежній порядокъ вещей; особенныхъ напав-

воззвать къ народамъ съ призывомъ къ крест. походу, общааетъ индульгенціи, приказываетъ собирать деньги въ пользу Балдуина (Ibid. 1262 п. 38 et 1264 п. 19), отлучаетъ генуэзцевъ союзниковъ Михаила отъ церкви (Ibid. 1263 п. 16), разрѣшаетъ Вильгельма ахайскаго отъ клятвы не воевать съ Палеологомъ (Пх., кн. 1, гл. 3), убѣждаетъ Людовика IX стать во главѣ предполагаемой военно-религіозной экспедиціи въ Грецію (Rayn. 1262 п. 39). Венеціанцы и Вильгельмъ ахайскій по возбужденію папы вскорѣ поднимаютъ оружіе (Lebeau Hist. du Bas. emp. t. 18, liv. 100, ch. 18); Генуэзцы поспѣшаютъ отказаться отъ союза съ Михаиломъ (Ibid. ch. 20); Михаилъ деспотъ эмирскій добивается византійской короны и съ этою цѣлію постоянно непріязненно действуетъ противъ имперіи (Пх. кн. 1, гл. 30, кн. 3, гл. 16. Григ. 4, 9); Ирина, супруга болгарскаго царя Константина Теха (родная сестра ослѣпленнаго Михаиломъ Іоанна) возбуждаетъ своего мужа къ мщенію (Пх. 3, 8. Григ. 4, 6); кромѣ того набѣги со стороны мусульманъ (Пх. 1, 8. 3, 21—22). Если и не удалось папѣ возбудить кр. походъ (Lebeau t. 18 liv. 100 ch. 17. Rayn. 1263 п. 19—21), то однихъ этихъ враговъ: венеціанцевъ, генуэзцевъ, Вильгельма ахайскаго съ од. стор., деспота эмирскаго, болгаръ и мусульманъ съ др. было достаточно, чтобы испугать даже храбраго человека и заставить его во что бы-то ни стало позаботиться о средствахъ уменьшить количество враговъ по крайн. мѣрѣ со стороны запада. Отсюда частыя посольства со стороны М. П. въ Римъ (Rayn. 1263 п. 23—28 п. 1264 58—72 et sequ. при одномъ папѣ Урбанѣ по кр. мѣрѣ три отъ М. П. и два изъ Рима). Михаилъ между тѣмъ не перестаетъ успѣшно воевать съ остатками владычества латинскаго на островахъ; его успѣхи въ войнѣ и его посольства въ Римъ побуждаютъ папу остановить Вильгельма ахайскаго (Lebeau t. 18, liv. 100 ch. 20) и позволить венеціанцамъ заключить съ Михаиломъ перемиріе. Такъ обр. на нѣсколько лѣтъ успѣлъ Михаилъ обезопасить себя со стороны запада; ему оставалось только поддерживать сношенія съ западомъ. Онъ ихъ и поддерживалъ съ преемникомъ Урбана Климентомъ IV (Rayn. 1267 п. 66—67. п. 72—80), съ управлявшимъ послѣ него конклавомъ кардиналовъ (Ibid. 1270 п. 1—4 et sequ.), съ Людовикомъ IX (Ibid. et 1272 п. 26 по кр. мѣрѣ три посольства). Черезъ эти сношенія онъ умѣлъ сдерживать не только прежнихъ, но еще новаго непріятеля, подстрекаемаго Балдуиномъ—Карла анжуйскаго, несмотря на всѣ домогательства послѣдняго въ Римѣ о дозволеніи ему воевать съ византією. Съ 1272 (при Григоріи X) всѣ прежніе враги снова готовятся напасть на него, будучи не только не сдерживаемы, но еще поощряемы къ тому Римомъ: срокъ перемирія съ венеціанцами кончился; Карлъ анжуйскій соединялся съ ними; папа вооружалъ и др.

деній съ запада ожидать было нельзя (1), недовольство уніей въ народѣ достигло послѣднихъ предѣловъ. Теперь должна была наступить реакція; какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, должна была высту-

государей западныхъ. Сдерживать западныхъ непріятелей прежними средствами болѣе уже не стало никакой возможности; нужно было прибѣгнуть къ рѣшительному средству, къ заключенію формальной уніи (ліонскій соборъ). Но чрезъ этотъ рѣшительный шагъ, обезоруживъ своихъ западныхъ враговъ, онъ въ то же время далъ, благодаря поспѣявшимъ чрезъ унію внутри греч. имперіи смутамъ, сильное оружіе своимъ врагамъ восточнымъ и сѣвернымъ: разнымъ претендентамъ на виз. корону, въ родѣ деспотовъ: эпирскаго, трапезунтскаго, дука патрасскаго; противники уніи обращаются сами къ этимъ государямъ (напр. трапезунтскому Пауп. 1278 г. 13—14) съ предложеніемъ импер. престола; Михаилу кромѣ того угрожаетъ союзъ болгаръ съ султаномъ по инициативѣ противницы уніи—Маріи, супруги болгарскаго царя (дочери Евлогіи, сестры Палеолога. Пах. кн. 6, гл. I). Но и изъ этихъ обстоятельствъ успѣлъ Михаилъ вывернуться, благодаря храбрости и политикѣ. Повидимому, послѣ отлученія его папою (1281 г.), Михаилъ долженъ былъ окончателно проиграть свое дѣло; главный его западный врагъ Карлъ анжуйскій снова вооружается противъ него; но опять храбрость и политика его выручаютъ, онъ одерживаетъ надъ Карломъ блистательную побѣду,—это былъ послѣдній его подвигъ (ум. 1282). Такимъ образомъ, какъ государственный человѣкъ, Михаилъ съ честью трудился на своемъ поприщѣ. Для правильнаго сужденія о немъ нужно отличать въ немъ государственнаго дѣятеля отъ религіознаго и въ известной степени недостатка его нравственнаго характера извинять обстоятельствами времени. Легко было его сыну и преемнику Андронику быть болѣе нравственнымъ послѣ того, что сдѣлалъ для безопасности имперіи со стороны Запада его отецъ.

(1) Отлученіемъ М. Палеолога развязаны были руки его противнику Карлу; Карлъ тотчасъ же рѣшился и съ суши и съ моря напасть на византійскую имперію. Но Михаилъ ловкимъ оборотомъ своей политики разбилъ его силы, возбудивъ войну противъ него въ Сициліи и такимъ образомъ отвлекъ половину его силъ. Надъ другой половиной М. Палеологъ одержалъ блистательную побѣду подъ Бѣлградомъ; эта побѣда сопровождалась совершеннымъ истребленіемъ Карловыхъ войскъ. Карлъ, пораженный этою потерей, а еще болѣе смертью своего сына, убитаго на войнѣ въ Сициліи, вскорѣ умеръ съ горя. При Андроникѣ потомки Карла затянулись въ другія войны; имъ было уже не до византійской имперіи. Теперь они уже не грозятъ войною, напротивъ стараются войти въ родственныя связи съ византійскими императорами

пить на поприще дѣятельности партія крайнихъ противниковъ уніи и выразить все, что сконилось у нихъ въ груди противъ латинянъ, равно какъ и противъ настоящихъ и мнимыхъ защитниковъ уніи. И дѣйствительно, едва вступилъ на престолъ Андроникъ, какъ въ дѣлахъ церковныхъ начался крутой поворотъ на прежнюю дорогу: во главѣ правленія стала крайняя, собственно народная, партія, заправителями которой были лица монашествующія. Дѣйствія ея отмѣчены крайнею неприязнью къ латинянамъ и направлены къ публичному заявленію того, что союзъ съ Римомъ расторгнуть и къ преслѣдованію прежнихъ дѣятелей уніи, равно какъ и лицъ мирившихся съ прежнимъ положеніемъ дѣлъ. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ (12 Дек.), повинуясь обстоятельствамъ и подъ вліяніемъ общаго настроенія умовъ, Андроникъ объявилъ, что онъ противъ воли, только по настоянію отца, принужденъ былъ принимать участіе въ уніи, что онъ въ этомъ раскаивается и готовъ понести даже наказаніе, какое заслуживаетъ его грѣхъ, наконецъ, что онъ возвращаетъ изъ ссылки и заточенія всѣхъ тѣхъ, которые страдали за свое противленіе уніи. За такимъ началомъ послѣдовало множество фактовъ, въ которыхъ выразились неприязненные отношенія къ латинянамъ и ихъ поборникамъ. Дѣло было около праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія. Въ первый праздникъ во дворцѣ не было литургіи, чтобы не поминать въ молитвахъ Векка, какъ патріарха. Во дворцѣ явно показывали,

и стараются очевидно достигнуть своихъ цѣлей этимъ путемъ, не имѣя возможности достигъ ихъ путемъ завоеваній. Такъ сынъ Карла предлагалъ въ замужество сыну Андроника свою дочь, родившуюся у него отъ дочери послѣдняго латинскаго императора Балдуина II. Григора, стр. 138—142, 186, 208.

что поражены печалію о вѣчной участи императора Михаила; Евлогія, сестра М. Палеолога, выражала скорбь о гибели души своего брата въ слѣдствіе его дружбы съ латинянами и внушала тоже женѣ покойнаго императрицѣ Теодорѣ; послѣдняя также въ избыткѣ скорби спрашивала патріарха Іосифа, что она должна дѣлать для спасенія души ея мужа. На другой день Рождества Христова Векъ удаленъ вѣжливымъ, впрочемъ, письмомъ Андроника, который увѣрялъ патріарха въ своѣмъ ему любви и уваженіи и представлялъ его удаленіе дѣломъ необходимости, дѣломъ обстоятельствъ. Наканунѣ 1-го января, при многочисленномъ стеченіи народа, съ пѣніемъ, рукоплесканіемъ, при звонѣ колоколовъ торжественно перенесенъ въ патріаршій дворецъ едва уже живой патріархъ Іосифъ. 1-го января духовенство также не допустило было до совершенія обычнаго Богослуженія въ Великой церкви. На другой день, 2 Января, 1283 года совершена была церемонія освященія Великой церкви, какъ бы оскверненной латинянами. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при этомъ былъ Галактіонъ, монахъ галисійскій, (*Γαλακτιώνης*) лишенный зрѣнія М. Палеологомъ, жаркій противникъ уніи; онъ, водимый подъ руки, кропилъ святой водой и внутреннія и внѣшнія части храма, и колонны и иконы. Присутствующіе также желали быть очищенными и были также окропляемы. Мірянъ посылали къ монахамъ, которые и налагали на нихъ различныя эпитиміи, смотря по степени общенія, до котораго они хотѣли быть допущены: одну для желающихъ участвовать въ псалмопѣніи, другую для желающихъ получить благословенный хлѣбъ и третью для желающихъ участвовать въ Евхаристіи. Наконецъ публично въ церкви

читанъ былъ декретъ, написанный отъ имени патріарха, но составленный крайнею партією, объявлявшій епископовъ и священниковъ состоящими подъ запрещеніемъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ и опредѣлявшій для мірянъ эпитиміи въ прямой пропорціи съ тѣмъ, къ какой степени общенія они желали быть допущены, а двухъ архидіаконовъ, Константина Мелитиніота и Георгія Метохита совершенно низлагавшій за то, что они нѣкогда присутствовали на мессѣ, совершаемой папою ('). Но это еще не все; это была еще не крайняя степень реакціи: она была дальше за этими событіями; серьезное дѣло было впереди. Былъ еще не тронуть чловѣкъ, котораго всѣ считали виновникомъ уніи. Нужно было его низвергнуть и потомъ уже дѣйствовать противъ всѣхъ, по ихъ мнѣнію, неизгладимо запятнавшихъ себя унією. И потому, до времени снисходительно обращаясь съ послѣдними, склонивъ на свою сторону всѣхъ бывшихъ въ Константинополѣ епископовъ и прежде всего бывшего тогда въ Константинополѣ патріарха александрійскаго Аѳанасія, крайніе противники уніи собрали противъ Векка соборъ. На этомъ соборѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ патріархъ Александрійскій и присутствовали между прочимъ много потерпѣвшіе отъ М. Палеолога великій Логофеть Музалонъ и Риторъ Оловоль, также ловко передавшійся теперь на сторону противниковъ уніи, прежній ея послѣдователь, Георгій кипрскій и многіе другіе, Веккъ обвиняемъ былъ за свои сочиненія, смутившія миръ церковный, поднявшія ненужные вопросы, наполненные ересьми. Его сочиненія были осуждены и сожжены на со-

(') Pachym. Andr. l. I, c. 2. 3.—Hist. de l'Égl'is. Fleuri, an. 1283, n. LXVIII.

боръ. Звономъ колоколовъ собрали народъ, принудили явиться туда самого Векка, долго не шедшаго на соборъ изъ опасенія народной ярости. Векка заставили състь на послѣднее мѣсто и защищаться. Онъ оправдывался въ своей приверженности къ уніи обстоятельствами времени, пользою союза съ Римомъ для Имперіи, но въ заключеніе принужденъ былъ отречься отъ своихъ сочиненій, подписаться подъ представленное ему исповѣданіе вѣры и также письменно отказаться отъ патріаршества; послѣ чего вскорѣ онъ сосланъ былъ въ ссылку въ Прузу, что въ Виѣнниі, вмѣстѣ съ Мелитиніотомъ и Метохитомъ (1). При посвященіи новаго патріарха, врага и соперника Веккова, Георгія кипрскаго, еще въ нѣсколькихъ фактахъ выразилась неприязнь къ латинянамъ и уніатамъ. Императоръ, конечно по внушенію заправлявшей тогда всѣмъ партіи, хотѣлъ, чтобы въ посвященіи новаго патріарха не участвовалъ никто изъ запятнавшихъ себя общеніемъ съ латинянами. Положено было воспользоваться для этой цѣли недавно пріѣхавшими въ Константинополь изъ Этоліи и Македоніи епископами козийскимъ и деврскимъ, не принимавшими никакаго участія въ уніи. Итакъ прежде всего епископъ козийскій посвятилъ Георгія кипрскаго въ инока и діакона въ церкви одного монастыря (Предтечи), въ которой прежде не совершалось службы и которая слѣдовательно не была въ рукахъ приверженцевъ уніи. Потомъ тотъ же епископъ рукоположилъ одного монаха, относившагося къ уніи совершенно безразлично, въ митрополита Иракліи еракійской, за которымъ издавна признавалось право по-

(1) Pashyn. Andr. l. VII. c. 7. — Hist de l'Eglise. Fleuri, an. 1283. n. VI.

свящать константинопольскихъ патриарховъ, съ тою цѣлю, чтобы новопосвященный митрополитъ въ свою очередь рукоположилъ Георгія кипрскаго въ санъ константинопольскаго патриарха. Наконецъ послѣ всѣхъ этихъ приготовленій и предосторожностей всѣ трое, то есть, митрополитъ ираклійскій, епископы козильскій и деврскій 11 Апрѣля 1283 года въ церкви св. Софїи рукоположили новаго патриарха, также съ соблюденіемъ большихъ предосторожностей. Предварительно освященъ былъ престолъ и совершенно удаленъ изъ храма весь клиръ этой Церкви. Послѣ посвященія еще въ нѣсколькихъ фактахъ выразилась заботливость ревнителей православія объ искорененіи изъ церкви вторгшагося въ нее латинства. Нѣсколько дней послѣ посвященія патриарха клиръ Церкви св. Софїи все еще не смѣлъ присутствовать при Богослуженіи; наконецъ въ среду на страстной недѣлѣ положено было произнести надъ нимъ разрѣшеніе. Кліръ палъ на землю и просилъ прощенья. Ему позволено было присутствовать при богослуженіи, но ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день онъ не былъ допущенъ до Евхаристіи; вмѣсто Евхаристіи въ слѣдующій день онъ получилъ отъ патриарха по кусочку простаго неосвященнаго хлѣба (1).—Только теперь, послѣ всѣхъ описанныхъ событій, то есть, послѣ того, какъ низверженъ былъ Веккъ и скончался не дѣятельный Іосифъ, когда избранъ былъ новый патриархъ, который имѣлъ возможность самъ непосредственно принимать во всемъ участіе и своимъ авторитетомъ освящать разнаго рода крутыя мѣры, только тогда открылась для господствующей

(1) Pachym. l. VII, c. 14.—Hist. de l'Églis. Fleuri, an. 1283, n. VIII,

партіи возможность безъ всякой помѣхи и безъ упрека въ самоволіи энергически приняться за окончательное очищеніе церкви отъ латинскихъ заблужденій, приступить къ низверженію всѣхъ епископовъ и клириковъ, принимавшихъ каковъ либо участіе въ уніи, не обращая вниманія на ихъ раскаяніе. Теперь наступило то время, когда реакція предшествующему положенію дѣлъ стала на высшую свою степень. Черезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ нами событій во влахернскомъ храмѣ состоялся соборъ, заранѣе авторизованный Императоромъ. Андроникъ своимъ декретомъ заранѣе утверждалъ всѣ дѣйствія этого собора. Императорскій декретъ объявлялъ, что какъ съ оскорбителемъ величества будетъ поступлено съ тѣмъ, кто будетъ противиться соборнымъ опредѣленіямъ. Предсѣдателемъ на соборѣ номинально былъ новый патріархъ; на самомъ же дѣлѣ всѣмъ заправлялъ тамъ императорскій духовникъ, епископъ сардскій Андроникъ, строгій инокъ, и слѣдовательно жаркій противникъ уніи. Большинство собора состояло изъ иноковъ и людей простаго происхожденія (1). На этомъ соборѣ не было разсужденій;

(1) Что здѣсь преобладала народная партія, видно изъ слѣдующихъ словъ Григоры: „послѣ извѣстнаго сожженія въ Атрамирѣ книгъ, написанныхъ по внушенію вражды, всѣ показывавшіе въ себѣ ревность по вѣрѣ собрались въ Византію, гдѣ подѣлили между собою митрополіи и другія вышнія мѣста, или же рѣшили подѣлить и, пользуясь случаемъ, безъ всякаго снисхожденія и состраданія присудили къ полному отлученію архіереевъ и всѣхъ клириковъ, согласившихся относительно догмата съ царемъ Михаиломъ. Очень многіе изъ нихъ принадлежали къ *латинскому, необразованному и своенравному люду*, и вчера или третьяго дня не смѣли даже посмотреть въ лице царю; теперь же внезапно и не по заслугамъ встрѣтивъ въ немъ большую благосклонность къ себѣ, они такъ загордились своимъ положеніемъ, что стали точно пьяные. Получивъ дозволеніе отъ царя, который уступалъ имъ во всемъ, по своему пламенному, исполнявшему его сердце желанію сдѣланія церкви, они по-

туть совершался одинъ судъ и слышались одни судебныя приговоры: „пустъ приведуть такого-то“, вотъ что поминутно слышалось въ собраніи. Когда требуемое лице являлось, его обвиняли въ нарушеніи церковныхъ правилъ. Обвинителями по большей части были иноки. Послѣ этого распорядившійся всѣмъ на соборѣ епископъ сардскій говорилъ: „пустъ его выведуть“; это нечестивецъ, присовокупляли присутствовавшіе и императорская стража съ посрамленіемъ тащила его вонъ. Нѣкоторые иноки произносили противъ нихъ анафему, другіе срывали съ нихъ епископскія облаченія, такъ какъ считали ихъ недостойными носить епископскія украшенія. За неявившимися добровольно на соборъ отправлялась императорская стража и приводила на соборъ насильно; нѣкоторые, совсѣмъ не явившіеся на соборъ, не смотря на то объявлены виновными, какъ напри- мѣръ митрополитъ кизическій. Даже у патриарховъ александрійскаго (Аѳанасія) и антиохійскаго (Феодосія), жившаго въ то время въ Константинополѣ (1), вмѣстѣ съ согласіемъ на низложеніе епископовъ потребовали отреченія отъ уніи, такъ какъ ревнителямъ православія и они казались уже запятнавшими себя, хотя они имѣли общеніе не съ латинянами прямо, а только съ тѣми, которые приняли латинянъ въ общеніе. Дѣйствія собора простерлись не на одну іерархію. У вдовствующей императрицы, матери Андроника, потребовали исповѣданія вѣры и письменнаго отреченія отъ уніи, равно какъ обязательства, что она не будетъ домогаться погребенія

томъ уже, нисколько не стѣсняясь, собрали какъ овецъ въ великій владарскій храмъ всѣхъ тѣхъ, на которыхъ положили произнестъ то безчестное опредѣленіе“. Григоръ, стр. 163—164.

(1) Эти два патриарха постоянно жили въ Константинополѣ, такъ какъ латиняне владѣли еще Трирошъ, Акрою и многими мѣстами Сиріи.

ея мужа Михаила Палеолога; въ награду за послѣднее Феодоръ обѣщали поминать ея имя въ общественныхъ молитвахъ на ряду съ именемъ сына ея Андроника. Такимъ образомъ всѣ, кто хотя сколько нибудь сочувствовалъ уніи или по крайней мѣрѣ терпѣлъ ее подверглись соборному осужденію. Теперь, когда всѣ были низложены, когда не оставалось болѣе никого, противъ кого бы можно было ратовать, естественно должна была наступить въ церкви тишина. Но по временамъ и послѣ этого заявляла себя унія. По временамъ снова поднималось въ церкви волненіе, хотя унія теперь становилась уже на задній планъ, служила только предлогомъ, за которымъ скрывались и дѣйствовали отношенія личныя, страсти (1). Спустя два года послѣ описанныхъ выше событій, въ 1285 г. снова возникли споры объ исхожденіи Св. Духа; былъ даже соборъ; писались догматическія сочиненія; возникла полемика. Соборъ (второй Влахерскій) былъ направленъ противъ Векка; полемика—противъ Георгія Кипрскаго. Когда новый епископъ Прузы (мѣста ссылки Векка) Неофитъ, какъ видно жаркій противникъ уніи, при своемъ вступленіи на престолъ наложилъ на свою паству постъ для изглаженія преступленія, то есть уніи, когда за тѣмъ народъ, находя, вѣроятно, эту мѣру своего епископа для себя тяжелою, въ ярости устремился къ Векку, жившему тамъ въ ссылкѣ, какъ къ виновнику уніи, а слѣдовательно и наложеннаго поста, когда наконецъ Веккъ принужденъ былъ для успокоенія народнаго волненія предложить свое дѣло и ученіе еще разъ на соборное обсужденіе; тогда снова составился соборъ во Влахернскомъ

(1) Pashum., l. VII, c. 19; Hist. Eccl. Fleuri, an. 1283, n. 1X.

дворцѣ подѣ председательствомъ двухъ патріарховъ, Георгія константинопольскаго и Аѳанасія александрійскаго, въ присутствіи самаго императора. На этомъ соборѣ было много преній объ исхожденіи Св. Духа. Веккъ и особенно его сподвижники, когда потребовали отъ нихъ откровеннаго признанія, какъ они думаютъ объ этомъ догматѣ, старались и отеческими сочиненіями (особенно мѣстами изъ твореній св. Іоанна Дамаскина) и сравненіями (солнце, лучь, свѣтъ) оправдать свое ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына. Георгій и засѣдавшіе на соборѣ опровергали это ученіе различнаго рода соображеніями, именно, что этимъ ученіемъ вводятся два начала въ одно божество, наводится на мысль, будто Отець не могъ извѣсть Духа Святаго, какъ только подѣ условіемъ рожденія Сына, что чрезъ это расторгается непосредственная связь Духа Святаго съ Отцемъ. Спорили за тѣмъ о предлогахъ *ἐξ* и *διὰ* и проч. Далѣе одна сторона укоряла своихъ противниковъ за ненужное, только смутившее миръ церковный, прибавленіе къ символу; другая же оправдывая это прибавленіе доброю цѣлію—желаніемъ уничтожить раздѣленіе церквей, укоряла противную сторону въ безпощадной жестокости, въ томъ, что за прибавку къ символу, основанную на отеческихъ выраженіяхъ, стали трактовать ихъ, какъ отступниковъ и еретиковъ, лишали священныхъ степеней, омывали жертвенники, на которыхъ они священнодѣйствовали, выливали, какъ нечистоту, муро, ими освященное и пр. Такимъ образомъ къ концу соборнаго засѣданія діалектика уступила мѣсто различнаго рода упрекамъ: заговорили языкомъ страстей. Соборное засѣданіе кончилось рѣзкою выходкою Векка. Объявляя,

что онъ не смотря ни на что, не смотря даже на собственное свое убѣжденіе, желаетъ лучше слѣдовать вмѣстѣ съ соборомъ православному ученію и, если весь соборъ заблуждается, рѣшается лучше вмѣстѣ со всѣми быть осужденнымъ, чѣмъ одному искать спасенія, что онъ всецѣло ввѣряется водительство православныхъ, Веккъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ опасеніе. Быть можетъ, говорилъ онъ (передаемъ сущность его рѣчи), мое ученіе вовсе и не думаютъ отвергать, быть можетъ противъ меня дѣйствуетъ одна ненависть, можетъ быть и отказавшись отъ своихъ убѣжденій я останусь для всѣхъ ненавистенъ, всѣ будутъ бѣгать меня и такимъ образомъ, подвергая опасности свою душу ради мира съ братією, я все-таки не достигну этого мира. Уколотый подобными намеками, соперникъ Векка и бывший приверженецъ уніи, патріархъ Георгій разнаго рода колкостями довелъ Векка до того, что послѣдній, совершенно вышедши изъ себя, обратившись къ императору и возвысивъ голосъ, съ клятвою объявилъ, что если Георгій не сойдетъ съ престола, тишина никогда не водворится въ церкви. Послѣ собора, не смотря на увѣщанія Андроника оставить споры и примириться съ церковію, Веккъ и его единомышленники объявили, что они готовы лучше вытерпѣть все возможное отъ императора, чѣмъ подчиниться тѣмъ, которые ихъ оклеветали. Послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ примирить враждующихъ, Андроникъ снова сослалъ Векка, Мелитиніота и Метохита въ Виѳанію, въ крѣпость св. Георгія (1). Но этимъ дѣло еще не кончилось. Догматическіе споры, бывъ возбуждены, не могли скоро утих-

(1) Pachym. Andr. l. VII, c. 34, 35.—Hist. de l'Eglis. Fleuri, an. 1285, n, XXV, XXVI.

нуть; явились сочиненія. Сперва сочиненіе патріарха Георгія противъ ученія Векка объ исхожденіи Св. Духа. Сочиненію этому придано значеніе чего-то въ родѣ символической книги. Его подписали императоръ, епископы и, разумѣется, его авторъ, патріархъ (1). Оно было читано въ церкви съ амвона и при каждомъ пунктѣ чтець, возвысивъ голосъ, анаеematствовалъ поимянно Векка и его единомышленниковъ. Въ отвѣтъ на сочиненіе Георгія появились сочиненія Векка, обвинявшія Георгія въ томъ, что онъ вводитъ новыя ереси. Сочиненія Векка очень распространены были въ Константинополѣ и были тщательно обсуживаемы всѣми, которые боялись ошибиться въ такомъ щекотливомъ предметѣ и особенно тѣми, которые не подписались подъ сочиненіемъ Георгія, какъ подъ вѣроисповѣданіемъ епископовъ. Наконецъ, догматическіе споры окончательно стали покровомъ для интригъ, когда люди нерасположенные къ Георгію, воспользовавшись тревожнымъ настроеніемъ умовъ, успѣли за сочиненіе одного изъ учениковъ Георгія, поправленное послѣднимъ, объявить патріарха еретикомъ и свергнуть съ престола. Іоаннъ Веккъ умеръ 1298 г.—Константинъ Мелитиніотъ и Ге-

(1) Но когда стали принуждать клириковъ подписаться подъ него, тогда начались волненія. Потерпѣвъ не задолго передъ тѣмъ много неприятностей за то, что противъ воли принуждены были согласиться на унию, клирики боялись теперь снова сдѣлать что-нибудь такое, изъ-за чего могли осудить ихъ во второй разъ. Итакъ, многіе изъ нихъ, теряясь въ догматическихъ тонкостяхъ, рѣшились лучше подвергнуться отлученію, чѣмъ подписаться подъ представленное имъ сочиненіе. За свое сопротивленіе патріарху они отлучены были отъ церкви, потерявъ свои мѣста. Они подписались только тогда, когда епископы дали имъ отъ себя письменное удостовѣреніе, что съ нихъ снята будетъ всякая отвѣтственность предъ Богомъ и предъ людьми, если сочиненіе патріарха содержитъ въ себѣ какую-нибудь мысль, противную православію.

оргій Метохить жили еще нѣсколько времени послѣ него, будучи по смерти Векка переведены въ Константинополь, снова безуспѣшно убѣждаемы императоромъ примириться съ православными и наконецъ заключены въ тюрьмѣ большого дворца (1).

Мы показали общій ходъ дѣлъ во времена ліонской уніи. Надѣемся, что излишне было бы рѣшать вопросъ, почему описанная нами попытка къ соединенію церквей была безуспѣшна; надѣемся, что отношеніе правительства, іерархіи и народа греческаго къ разсматриваемому нами вопросу, равно какъ и стремленію папъ, сами собою видны изъ нашего изложенія. Намъ теперь остается остановить вниманіе на одномъ изъ главныхъ дѣятелей этого времени, Веккѣ, — на личности, которая не можетъ быть вполне выяснена изъ нашего изложенія общаго хода дѣлъ; намъ нужно рѣшить вопросъ, что это была за личность, почему изъ защитниковъ православія Веккъ превратился въ поборника латинства. Мы уже высказали свой взглядъ на него; теперь остается подтвердить этотъ взглядъ фактами, по большей части уже изложенными. Прежде всего Веккъ былъ человѣкъ не чуждый вопросовъ, занимавшихъ тогда государственную политику. Когда на соборѣ при Андроникѣ, какъ мы видѣли, спрашивали его, почему онъ дѣйствовалъ въ пользу уніи, онъ прямо отвѣчалъ, что подобнаго рода дѣйствій съ его стороны требовали обстоятельства времени, нужды имперіи. Но если бы мы и не знали этого факта, и въ такомъ случаѣ уже на основаніи одной должности, которую занималъ Веккъ — должности Великаго Хартофилакса мы имѣли бы право заключать,

(1) Pashyn. Andr., l. VIII, c. 1—10. — Hist. de l'Eglise, Fleury, an. 1289, n. LIV—LVI.

что дѣла тогдашней политики и нужды государства не могли конечно не занимать такого важнаго лица, какъ Великій Хартофилаксъ, соприкасавшагося по обязанностямъ своей службы съ первыми сановниками двора. А ясное сознаніе государственныхъ нуждъ, всякій съ нами согласится, было уже важнымъ предполагающимъ обстоятельствомъ въ пользу уніи съ Римомъ. Въ характерѣ Векка было другое благоприятное условіе, которое при извѣстныхъ обстоятельствахъ могло привести его, какъ и привело къ тому же. Много мы имѣемъ данныхъ для того, чтобы приписывать Векку характеръ гибкій, уклончивый. Еще до своего перехода на сторону императора, Веккъ обнаружилъ свою уклончивость. Припомнимъ, какъ въ собраніи епископовъ и въ присутствіи императора онъ колебался высказать свое мнѣніе относительно латинянъ, какъ патріархъ, чтобы заставить его говорить принужденъ былъ употребить противъ него угрозу отлученія отъ церкви, какъ Веккъ колебался при этомъ случаѣ, по словамъ Пахимера „между страхомъ царя и угрозою отлученія и сознавалъ неловкость своего положенія“, въ какихъ наконецъ смягчающихъ выраженіяхъ онъ высказалъ свое мнѣніе, что латиняне еретики (1). Повидимому много твердости обнаружилъ Веккъ, когда послѣ измѣны православію сдѣлавшись патріархомъ, принялъ на себя обязанность ходатайствовать предъ императоромъ за людей страждущихъ, вмѣшивался въ дѣла и распоряженія императора, сдѣлался очень настойчивъ въ своихъ къ нему просьбахъ и чрезъ то навлекъ на

(1) „Одни—говорилъ Веккъ—въ отношеніи къ чему-нибудь и есть и называются; другіе и называются и ни есть; а третіе опять хотя и есть, но не называются“. См. Пахим., стр. 345.

себя гнѣвъ Михаила Палеолога. Но, какъ потомъ оказалось, Веккъ и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ по расчету. Онъ безъ сомнѣнія думалъ, что огромныя услуги, какія онъ своимъ переходомъ на сторону уніи оказалъ императору, слишкомъ достаточны для того, чтобы послѣдній извинилъ ему многое. Веккъ надѣялся, что ему все сойдетъ съ рукъ, а онъ между тѣмъ своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ императору пріобрѣтеть себѣ большой вѣсъ и уваженіе при дворѣ и въ обществѣ. Но когда расчеты его оказались невѣрными, когда Михаилъ Палеологъ, по своей крайне деспотической натурѣ не могшій терпѣть вокругъ себя людей свободно и настойчиво высказывающихся, удалилъ его, подвергъ его своей немилости; тогда Веккъ совершенно измѣнилъ свою тактику. Обязанный своимъ возвращеніемъ на патриаршію кафедру стѣсненному положенію императора, въ какомъ очутился послѣдній съ прибытіемъ въ 1278 году пословъ отъ папы Николая III, Веккъ послѣ того сдѣлался крайне осторожнымъ. Болея вторично подпасть гнѣву М. Палеолога, Веккъ началъ во всемъ угождать императору. По замѣчанію Пахимера „готовъ былъ въ угодность ему сдѣлать все; ибо совершенно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ трудными обстоятельствами,“ (1) былъ свидѣтелемъ жестокостей Михаила и не возставалъ противъ нихъ. Мало того, не считалъ излишнимъ прібѣгать къ низкой лести и угодничеству предъ лицами близкими къ императору (2). Наконецъ, отрекшись на соборѣ при Андроникѣ отъ всего, что такъ жарко защищалъ прежде, отъ общенія съ латинянами и отъ ученія объ исхожденіи

(1) Пахим., стр. 457.

(2) См. Пахим., стр. 442.

Св. Духа и отъ Сына, Веккъ еще разъ обнаружилъ въ себѣ недостатокъ устойчивости, твердости въ характерѣ. И такъ въ общественномъ положеніи Векка и въ его характерѣ скрывались два условія, имѣвшія, безъ сомнѣнія, вліяніе на переходъ его на сторону императора. Но всего важнѣе въ этомъ случаѣ была та степень пониманія православія и латинства, на какой стоялъ Веккъ. Православіе и латинство онъ ограничивалъ, какъ многіе тогда ограничивали, нѣсколькими отдѣльными пунктами ученія. (1) Обстоятельства заставили Векка поглубже вникнуть въ то, почему въ самомъ дѣлѣ православные не имѣютъ общенія съ латинянами. Прежде, скрываясь за другими онъ и думалъ также какъ и другіе, не имѣя нужды критически отнестись къ основаніямъ, на которыхъ всѣ, а вмѣстѣ со всѣми и онъ, поступаютъ такъ, а не иначе. Заключение въ тюрьму заставило его тщательно взвѣсить все то, что имѣлъ онъ за и противъ общенія съ римскою церковію. Противъ послѣдней у него оказалось не много, а по тщательномъ обсужденіи, даже одинъ только догматъ объ исхожденіи Св. Духа. Остальныя основанія отчужденія отъ римской церкви, какъ ему безъ сомнѣнія казалось, скрывались въ различіи нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, болѣе же въ чувствѣ воспитанной вѣками непріязни къ латинянамъ; но эти основанія, конечно, не могли устоять

(1) Но не всѣ испытывали на себѣ тѣ предрасполагающія вліянія, какія испытывалъ, какъ мы видѣли, Веккъ; притомъ не всѣ были поставлены въ то исключительное положеніе, въ какомъ очутился послѣдній послѣ перваго собранія епископовъ у императора; а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что другіе устояли, а онъ палъ. Другіе шли за собою или болѣе твердости характера или были далѣе отъ политики двора или относились къ догматическимъ истинамъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ, или наконецъ на нихъ не были, какъ на Векка, направлены преслѣдованія императора.

противъ его критики. Въ пользу же воссоединенія съ латинянами говорили ему, безъ сомнѣнн, извѣстныя ему политическiя обстоятельства отечества и всегда сильное въ человѣкѣ чувство самосохраненія съ благосклонностію императора въ добавокъ. Послѣ всего этого довольно было какого нибудь случая, который бы могъ натолкнуть его на мысль, что и одно имѣющееся у него препятствіе къ соединенію съ Римомъ можетъ быть устранено,—достаточно, говоримъ, было одного такого случая для того, чтобы Веккъ съ радостію ухватился за него, какъ человѣкъ уже сознавшій, что противная сторона не Богъ знаетъ какъ далека отъ православія. Тщательное знакомство съ сочиненіями знаменитаго, уважаемаго всѣми Влеммида, представленными Векку въ тюрьмѣ, было для него именно такимъ обстоятельствомъ (1). Не удивительно послѣ этого, что состояніе души его, когда онъ прочелъ сочиненіе Влеммида „подобно было“, по словамъ Пахимера „тому, въ какомъ находятся безпомощные люди, когда во время гнетущей нужды неожиданно вообразятъ, что имѣютъ все“. (2) Оно дѣйствительно должно было быть на столько успокоительно, на сколько предъидущее было шатко, мучительно. Теперь можно было и

(1) Настроенный такимъ образомъ, онъ совершенно лишился надлежащаго критерія къ изслѣдованію истины. Сочиненія св. отцевъ, въ которыхъ излагалось православное ученіе, Векку представлялись или поврежденными (de process. Sp. Sancti Grass. Orth. p. 241—242) или подложными, какъ напр. сочиненіе Кирилла Алекс.: „de trinitate“ (de proces. Sp. S. car. XII), почему онъ ихъ отвергалъ. Поврежденными же, напротивъ, пользовался, напр. (de un Eccl. Graec. Orth. p. 133)—поврежденнымъ спискомъ твореній Василія В., въ который внесены слова, благопріятствующія латинянамъ (что эти слова—вставка позднѣйшая, см. прим. къ русск. пер. Тв. Св. Отц., т. 7, стр. 128).

(2) Пахим., стр. 350.

измѣнить православію и остаться въ то же время правымъ предъ своею совѣстію. По всей вѣроятности подобнымъ же образомъ совершился переходъ на сторону уніи и остальныхъ ея приверженцевъ—архидіаконовъ Мелитиніота и Метохита и протопостолларія Георгія кипрскаго (¹), хотя можетъ быть Векку, какъ человѣку съ болѣе честными правилами переходъ въ унію стоилъ гораздо большихъ душевныхъ мученій, чѣмъ на примѣръ, Георгію кипрскому, для котораго, какъ видно, не составляло большого труда мѣнять убѣжденія, который два раза измѣнилъ ихъ. Не видно также, чтобы и Мелитиніотъ съ Метохитомъ сколько нибудь колебались подобно Векку прежде, чѣмъ перешли на сторону уніи.

ГЛАВА II.

Обзорніе попытокъ къ соединенію церквей между ліонской уніей и флорентинскимъ соборомъ (1300—1416).

Послѣ всѣхъ вышеизложенныхъ событій ліонской уніи нужно было ожидать, что въ слѣдующія за тѣмъ времена вопросъ о соединеніи церквей вообще уже не будетъ обращать на себя такъ много вниманія, какъ прежде, что для него наступитъ время забвенія, пренебреженія, намѣреннаго отъ него удаленія. Такъ дѣйствительно и было.—На востокъ не только народъ, но и іерархія совершенно имъ не занималась. Положительно извѣстно, что въ Греціи отъ народа даже намѣренно скрывали, какъ послѣ увидимъ, сношенія съ латинянами, держали эти сношенія въ тайнѣ. Разъ только

(¹) И они, подобно Векку, были лица не маловажныхъ въ столичномъ духовенствѣ.

одинъ государь (Іоаннъ Палеологъ) позволилъ себѣ явно стать на сторону латинянъ, но во первыхъ это было въ бытность его на западѣ, слѣдовательно не въ виду православнаго народа, во вторыхъ этотъ государь, какъ видно изъ исторіи, вовсе не намѣренъ былъ убѣждать кого нибудь послѣдовать своему примѣру; перешедши въ латинство лично онъ не принуждалъ къ тому ни народъ, ни іерархію, и дѣло это не произвело замѣтнаго движенія въ народѣ. Но, не говоря уже о народѣ, даже тѣ, которыхъ прямою обязанностию было заниматься рѣшеніемъ этого вопроса—православная іерархія равнодушно относилась къ нему, совершенно устраняла себя отъ него. Вотъ почему при обзорѣннн этого періода времени намъ не придется уже быть свидѣтелями, какъ прежде, переговоровъ или письменныхъ сношеній патріарха и епископовъ съ латинянами. Преннхъ небольшихъ соборовъ, и разсужденій на нихъ епископовъ о причинахъ раздѣленія и способахъ соединенія церквей мы совсѣмъ не встрѣтимъ. Всего только разъ дѣло клонилось было къ диспуту между папскими нунціями и православными епископами, но и тутъ все дѣло ограничилось только однимъ пространнымъ разсужденіемъ о томъ, что не нужно поднимать щекотливаго вопроса. Замѣчательно, что даже патріархъ ни разу не писалъ папѣ, ни однажды не приложилъ своего письма къ письму императорскому, между тѣмъ какъ въ преннее время весьма часто, мы видѣли, вмѣстѣ съ императоромъ писалъ къ папѣ и патріархъ. Даже императорскими послами, приносявшими папѣ императорскія письма были въ описываемое нами время не епископы или клирики, а люди свѣтскіе, придворные или же латиняне. Одинъ только разъ посланъ былъ въ Авиньонъ

архимандритъ, да и то однимъ императоромъ тайно отъ всѣхъ, притомъ какъ послѣ оказалось этотъ человекъ въ душѣ былъ латинянинъ. И такъ намъ приходится теперь имѣть дѣло исключительно съ дипломатическими сношеніями одного византійскаго императора съ латинскимъ западомъ.—На западѣ этотъ вопросъ какъ и всегда не занималъ народныхъ массъ; онъ интересовалъ собою только нѣсколькихъ лицъ. Народъ на западѣ смотрѣлъ на православный востокъ какъ на церковь, дошедшую за свою схизму до крайне бѣдственнаго положенія; таково было тамъ общее мнѣніе (*communis opinio*) (1); являлись тамъ даже предсказанія (Бригитты), что восточную имперію до тѣхъ поръ будутъ тревожить турки, пока не подчинится она церкви римской. (2) Но тѣмъ дѣло и ограничивалось. Петрарка упрекаетъ весь западъ въ пренебреженіи къ восточной церкви и къ тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ эта послѣдняя стоитъ къ латинской (3). И такъ вопросъ о соединеніи церквей не занималъ въ разсматриваемый періодъ массъ западныхъ.—Кого же онъ интересовалъ въ это время на западѣ? Сначала онъ интересовалъ лицъ предъявлявшихъ права на византійскій престолъ, родственниковъ послѣдняго латинскаго императора, стало быть, занималъ собою два царствующихъ дома французскій и неаполитанскій.

(1) *Annal. Eccl. Raynald.* 1373 n. 1—2.

(2) *Ibid.* ad. an. 1374 n. 5.

(3) Обвиняя латинскую церковь въ снисходительности къ греческой церкви, Петрарка говоритъ: „болѣе и болѣе изумлюсь я этой снисходительности и не могу понять, почему такія важныя дѣла не обращаютъ на себя вниманія, когда о менѣе важныхъ такъ заботятся; хотя *безчестіе общее, касается всѣхъ христіанъ*, однакожь въ цѣломъ войскѣ, худо исполняющемъ свои обязанности, всего стыднѣе вождемъ. (*Ibid.* ad an. 1366 n. 24.)

Папа относился въ это время къ этому вопросу, не какъ лицо дѣйствующее самостоятельно, не въ своихъ собственныхъ интересахъ, но болѣе въ интересахъ французскихъ королей, какъ епископъ, находившійся по мѣстопробыванію своему — Авиньону подъ вліяніемъ французскаго двора. Такъ было до половины XIV столѣтія. Затѣмъ, когда, въ половинѣ этого столѣтія, папы, понявъ всю унижительность своего положенія, стали стремиться поднять авторитетъ своего престола, стали дѣлать попытки (Урбанъ VI и Григорій XI) переселиться въ Римъ, въ это время вопросъ о соединеніи церковей сравнительно гораздо болѣе интересовалъ папъ; послѣдніе энергичнѣе взялись за него и самостоятельно при этомъ дѣйствовали. Такъ было съ половины XIV столѣтія до послѣдней его четверти. Наконецъ, всего менѣе расположенъ былъ западъ заниматься этимъ вопросомъ въ послѣдней четверти XIV столѣтія и въ началѣ XV. Притязанія на константинопольскій престолъ утратили для всѣхъ всякое значеніе; для папства наступило время самое несчастное; переселеніе папскаго престола изъ Авиньона въ Римъ кончилось расколомъ; явилось двое папъ и между ними завязалась ожесточенная борьба. Въ это время вопросомъ о соединеніи церковей на западѣ не занимался никто.

На востокѣ, какъ и на западѣ, вопросъ о соединеніи церковей занималъ въ описываемое время только одинъ дворъ визант. императоровъ. Какая же именно судьба была этого вопроса на востокѣ? Когда усиливались и когда ослабѣвали сношенія съ западомъ? Уже изъ того, какое значеніе въ разныя времена имѣлъ этотъ вопросъ на западѣ, кого и когда онъ особенно занималъ можно отчасти

видѣтъ ходъ сношеній востока съ западомъ по вопросу о соединеніи церквей въ разсматриваемое время, такъ какъ эти сношенія обуславливались столько же обстоятельствами запада, сколько и обстоятельствами востока. На востокѣ, какъ извѣстно, императоры всегда смотрѣли на этотъ вопросъ со стороны положенія имперіи. Смотри по тому, каково было ея состояніе, императоры такъ или иначе относились и къ вопросу; холодно—если дѣла шли у нихъ хорошо, горячо—если имперія находилась въ критическомъ положеніи. Сначала въ первую половину XIV столѣтія Византійская имперія, хотя тревожима была турками, но еще не слишкомъ бѣдствовала; по крайней мѣрѣ еще цѣлы были всѣ европейскія ея провинціи; турки, громя азіатскія ея владѣнія, поселившись въ Никею, не ступили еще на европейскій берегъ. Потому и вопросъ о соединеніи церквей въ первыя 50 лѣтъ XIV столѣтія еще не слишкомъ занимаетъ императоровъ восточныхъ; они сносятся съ папою и королями французскими и неаполитанскими какъ бы не хотя, какъ бы вовлеченные въ это дѣло самимъ западомъ; вовсе не высказываютъ рѣшительнаго намѣренія подчиниться римской церкви; напротивъ выставляютъ на видъ трудности, сопряженныя съ этимъ дѣломъ. Съ половины XIV в. съ вступленіемъ на престолъ Іоанна Палеолога турки проникаютъ въ Европу: положеніе имперіи дѣлается весьма опасно. Съ тѣмъ вмѣстѣ вопросъ о соединеніи церквей дѣлается для византійскаго двора весьма важнымъ; императоры уже сами начинаютъ сношенія съ западомъ; соглашаются на все; дѣло теперь представляется имъ уже очень удобоисполнимымъ. При начавшемся въ это время на самомъ папскомъ престолѣ движеніи въ пользу возстановленія

папскаго авторитета дѣло идетъ довольно быстро, принимаются съ той и другой стороны дѣятельныя мѣры въ окончательному рѣшенію давняго вопроса. Наконецъ, въ послѣднюю четверть XIV столѣтія и въ началѣ XV, послѣ указанныхъ выше неудавшихся попытокъ, во время великаго раскола въ латинской церкви, византійскіе императоры, не видя уже на западѣ ни малѣйшей для себя поддержки, принужденные заключить миръ съ турецкими султанами и даже признать себя ихъ данниками, потеряли всякую энергію, на время примирились съ своимъ положеніемъ; а тамъ вскорѣ ихъ положеніе улучшилось, когда туркамъ нанесено было внезапно и страшное пораженіе отъ такихъ же, какъ они кочевыхъ народовъ, предводимыхъ Тамерланомъ. Вопросъ о соединеніи церквей, такимъ образомъ, совершенно оставленъ былъ въ это время и востокомъ и западомъ; однимъ—съ отчаянія и отъ неожиданно принесеннаго ему Провидѣніемъ успокоенія; а другимъ—по увлеченію иными болѣе важными и ближе касающимися запада вопросами. Такимъ образомъ, въ рассматриваемый нами періодъ отъ ліонской уніи до флорентинскаго собора, самыя оживленныя сношенія между византійскимъ дворомъ и папскимъ мы встрѣчаемъ въ срединѣ періода; въ концѣ его мы вовсе не находимъ никакихъ сношеній; въ началѣ отношенія между ними принимаютъ характеръ уклончивый, вялый, колеблющійся.

Въ началѣ этого періода, намъ приходится, какъ мы сказали, имѣть дѣло съ дипломатическими сношеніями императоровъ византійскихъ съ королями французскими и неаполитанскими и папами, находившимися въ рас-

пораженіи первыхъ. Много обстоятельствъ сложилось для того, чтобы французскій королевскій домъ и родственныи ему неаполитанскій втянулись въ вопросъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Во-первыхъ, притязанія на константинопольскій престолъ отъ послѣдняго латинскаго императора Балдуина II, чрезъ сына его Филиппа, женатаго на дочери Карла Валуа, сицилійскаго короля, и чрезъ дочь его Екатерину Куртенайскую, вышедшую замужъ за графа Карла Валуа, перешли въ царствовавшій тогда во Франціи и Неаполѣ домъ Валуа. Притязанія эти заставляли не разъ членовъ этого дома обращать свои взоры на Константинополь. Во-вторыхъ, въ это время стали уже обращать на себя довольно много вниманія въ Европѣ турки; между тѣмъ всегда, а въ это время въ особенности, инициатива крестовыхъ предпріятій (никогда, впрочемъ, въ разсматриваемое время не осуществлявшихся) принадлежала Франціи; здѣсь еще по временамъ пробуждались рыцарскія стремленія, хотя религіознаго одушевленія уже не было. Такимъ образомъ Византійская имперія, угрожаемая турками, невольно обращала на себя вниманіе во Франціи. Наконецъ, во Францію же перенесено было средоточіе духовной власти запада—папскій престолъ. Общіе интересы сближали, такимъ образомъ, Францію, Неаполь и Грецію: претензіи на престолъ, война съ мусульманами, желаніе подчинить греческую церковь французскому папѣ.

Сначала во Франціи смотрѣли на этотъ вопросъ исключительно съ точки зрѣнія претензій на константинопольскій престолъ и со стороны, доказанной ліонскою унією, невозможности воссоединенія востока и запада въ одно религіозное общество. Съ самаго начала

XIV столѣтія французскій королевскій дворъ заявилъ свои претензіи на константинопольскій престолъ и во Франціи началось небольшое движеніе политически-религіозное. Инициатива этого движенія принадлежала брату короля французскаго (Филиппа Красиваго) графу Карлу Валуа, претенденту (по женѣ) на византійскую корону; загѣмъ оно сообщилось папѣ, который при всемъ своемъ упадкѣ и при всей своей несамостоятельности съ переселеніемъ 1303 г. въ Авиньонъ, могъ еще въ это время, т. е. на первыхъ порахъ послѣ ліонской уніи чувствовать себя болѣе или менѣе озлобленнымъ противъ восточной церкви, ускользнувшей отъ папскаго престола къ большой досадѣ этого послѣдняго и потому дѣйствовать болѣе или менѣе самосто-ятельно, хотя, быть можетъ, желаніе угодить королев-скому дому было въ немъ преобладающимъ при этомъ побужденіемъ. Въ 1304 году графъ Карлъ Валуа по-слалъ сказать папѣ Бенедикту XI (1303—1305), что онъ вооружается для возвращенія Константинопольской им-періи, какъ собственности его супруги, и потому про-ситъ папу 1) перемѣнить обѣты крестовосцевъ, намѣ-ревавшихся отправиться въ Палестину, чтобы эти войска могли отправиться съ нимъ противъ схизматиковъ (т. е. православныхъ), 2) предоставить для издержекъ на эту войну вклады и разнаго рода пожертвованія, назначав-шіяся первоначально для палестинскаго крестоваго опол-ченія, и наконецъ, 3) проповѣдать всеобщій крестовый походъ уже прямо для завоеванія восточной имперіи. Папы давно уже охладѣли къ освобожденію св. земли изъ-подъ иновѣрнаго ига; давно уже они злоупотреб-ляли религіознымъ одушевленіемъ запада, пользовались имъ для возбужденія войнъ между христіанами, для по-

раженія личныхъ своихъ враговъ, въ особенности нѣмецкихъ императоровъ. Поэтому (не говоря уже о побужденіи, скрывавшемся въ чувствѣ досады на православную церковь) папѣ Бенедикту ничего не стоило согласиться съ желаніемъ Карла и дѣйствительно въ письмѣ (27 мая 1304 г.) онъ высказалъ Карлу; съ своей стороны, полное согласіе на всѣ его просьбы, исключая провозглашенія всеобщаго крестоваго похода, приводя въ оправданіе своего отказа войну, которую вела тогда Франція съ фламандцами (1). Въ доказательство своей готовности помогать и сочувствовать Карлу въ его предпріятіи, папа тогда же (20 іюня) писалъ посланіе къ прелатамъ Франціи, просилъ ихъ всѣми силами содѣйствовать предпріятію Карла; „если вы знаете“, писалъ имъ папа, „какое презрѣніе питаютъ къ намъ греки, знаете ихъ ненависть къ намъ и заблужденія въ вѣрѣ; то не имѣете нужды въ постороннемъ для себя убѣжденіи для того, чтобы съ жаромъ приняться за это дѣло“ (2). Но не такъ-то легко было составить тогда крестовое ополченіе; тогда, правда, очень охотно давали обѣты; нашивали на себя кресты и между тѣмъ преспокойно оставались на своихъ мѣстахъ и умирали не выдавъ Палестины (3). Если такова была участь крестовыхъ походовъ, которые провозглашаемы были

(1) *Annal. Eccles. Rayn. ad an. 1304* n. 28.

(2) *Ibid.* n. 29. Впрочемъ папа высказывалъ и нѣсколько аргументовъ въ пользу завоеванія Константинополя; говорилъ, что къ этому побуждаютъ католика ревность по вѣрѣ, которая безъ сомнѣнія должна воспламенить сердца вѣрныхъ къ освобожденію имперіи изъ подъ власти схизматиковъ (т. е. православныхъ), затѣмъ — стыдъ для римской церкви и ошесность для всего христіанства, если овладѣть имперією турки и наконецъ польза отъ этого предпріятія для св. земли, такъ долго остававшейся безъ всякой помощи.

(3) *Истор. кр. пох. Соч. Маши, т. IV.*

для освобожденія Гроба Господня; то тѣмъ болѣе уже такой исходъ должно было имѣть предпріятіе Карла. Правда, черезъ два года, при другомъ папѣ Климентѣ V (1305—1316) еще разъ поднятъ былъ вопросъ о завоєваніи Константинополя и даже энергичнѣе, чѣмъ прежде взялся за это дѣло новый папа. Вѣроятно болѣе въ угоду Карлу Климентъ V сильно старался утвердить его въ мысли завоєвать Константинополь⁽¹⁾, написалъ въ этомъ духѣ нѣсколько писемъ къ Карлу, приказалъ проповѣдать крестовый походъ для завоєванія Константинопольской имперіи, обѣщая тѣмъ, которые примутъ участіе въ этомъ походѣ, отпущеніе грѣховъ⁽²⁾, наконецъ, буллою (31 іюня 1307 г.) объявилъ Андроника Палеолога, какъ „защитника греческой схизмы“, т. е. православія, отлученнымъ отъ церкви, угрожая тѣмъ же всякому, кто окажетъ ему какую-либо помощь. Но въ это время и не такимъ сильнымъ движеніямъ суждено было разрѣшаться ничѣмъ: массы не увлекались уже болѣе религіознымъ энтузіазмомъ. Это небольшое движеніе, происшедшее при дворахъ королевско-французскомъ и папскомъ, не вызвало ничего со стороны двора византійскаго, потому-ли, что въ Константинополѣ нисколько не опасались этого движенія, имѣя въ виду воспользоваться при случаѣ противъ крестоносцевъ помощію другихъ своихъ враговъ—турокъ, или потому, что императоромъ въ это время былъ человекъ, заявившій себя непримиримымъ вра-

(1) Raynald Annal. Eccl. ad an. 1306 n. 6.

(2) Ibid. n. 7. Походъ долженъ былъ быть проповѣданъ въ Обихъ Сициліяхъ, въ Романьи, Анконѣ и Венеціи. Сохранилось папское посланіе объ этомъ предметѣ въ архив. равенскому и епископамъ Романьи. Безъ сомнѣнія, подобныя же буллы отправлены были и въ другія провинціи.

гомъ латинянь, которому затѣять религіозно-политическія сношенія съ латинскимъ западомъ значило измѣнить самому себѣ. Какъ бы то ни было, только сношеній между Византією и Францією, которыя бы относились къ этому времени, мы не находимъ.—Спустя лѣтъ 20 послѣ описанныхъ событій началось на западѣ новое движеніе, возбужденное уже не владѣтельными лицами, а однимъ изъ послѣднихъ апостоловъ крестовыхъ войнъ,— движеніе, хотя также оставшееся безъ послѣдствій, но на сей разъ увлекшее и византійскій дворъ. Теперь начали брать верхъ другія уже соображенія; претензіи на константинопольскій престолъ начали уступать стремленію противодѣйствовать успѣхамъ мусульманъ и религіозно-политическій союзъ съ православными греками занялъ мѣсто войны съ ними. Въ пылкомъ умѣ венеціанца Сануто составился планъ новаго крестоваго похода для освобожденія св. земли. Планъ его былъ плодомъ тщательнаго серьезнаго изученія прежнихъ неудачныхъ опытовъ войны съ невѣрными. Сануто написалъ даже двѣ книги, въ которыхъ изложилъ свой проэктъ новаго крестоваго похода. Онъ успѣшно возбуждалъ къ осуществленію своего проэкта папу и западныхъ государей и вездѣ принимаемъ былъ отлично. Между тѣмъ въ широкій его планъ, какъ главнѣйшее средство къ его осуществленію, входила унія церкви римской съ церковію православною греческою. Сануто зналъ, что во Франціи и вообще на западѣ не расположены къ мирной унії съ греками; между тѣмъ онъ былъ убѣжденъ, что весь успѣхъ крестоваго похода зависитъ именно отъ возстановленія религіознаго мира между востокомъ и западомъ. Во Франціи думали, что если начинать крестовый походъ, то начинать его съ

завоеванія восточной имперіи. Сануто думалъ совершенно иначе; онъ спорилъ съ людьми, высказывавшими подобныя мысли, преимущественно съ французскими графами, лицами, принадлежавшими къ королевскимъ домамъ Франціи и Неаполя, происходившими изъ одной общей фамиліи Валуа, наконецъ со многими кардиналами. Онъ убѣждалъ своихъ противниковъ, что завоеваніемъ константинопольской имперіи они рѣшительно ничего не достигнутъ, только разрушатъ, но ни коимъ образомъ не сохранять ее для себя, только окажутъ своими завоеваніями услугу туркамъ. Онъ представлялъ людямъ съ нимъ не соглашавшимся, что и сохранивъ даже въ своихъ рукахъ нѣсколько провинцій греческихъ они не въ состояніи будутъ располагать народонаселеніемъ этихъ провинцій, сердцами народа для подчиненія его римской церкви и латинскому государству, какъ показали опыты во многихъ земляхъ (1), что нужно постепенно сдѣлать членами римской церкви, привлечь на свою сторону сперва императора, патріарха, лицъ приближенныхъ къ императору, и тогда уже самъ собою подчинится римской церкви народъ и даже приобрѣтены будутъ для апостольскаго престола руссы, сербы, грузины и тѣ, которые находятся подъ владычествомъ франковъ, татаръ и султана египетскаго; впрочемъ, уступалъ Сануто, претенденты на византійскую корону должны быть чѣмъ нибудь вознаграждены (2). Какъ видно, наконецъ, фран-

(1) „Какъ мы это видѣли — говоритъ Сануто — въ Каирѣ, Кандіи, Морѣ, княжествѣ Аеивскомъ, на островѣ Негропонтѣ и другихъ странахъ, находившихся подъ владычествомъ франковъ. Народъ тамъ не подчиненъ римской церкви; а если иногда и выражаетъ свое подчиненіе, то только устами, а не сердцемъ“.

(2) Raynald ad an. 1324. n. 39. 40. Все это находится въ инструкціи, которую Сануто далъ послу, отправлявшемуся къ Андронику.

цузскій, неаполитанскій и папскій дворы болѣе или менѣе поддались на время убѣжденіямъ Сануто; по крайней мѣрѣ самъ Сануто увѣряетъ насъ въ томъ. Итакъ Сануто въ 1324 г. обратился наконецъ къ Андронику (старшему сыну М. Палеолога) съ предложеніемъ своихъ услугъ въ пользу примиренія церквей и съ увѣдомленіемъ, что, находясь довольно долго при дворахъ французскомъ и папскомъ, онъ очень много говорилъ съ вліятельными лицами при обоихъ дворахъ на счетъ безопасности и чести византійской имперіи и будто бы нашелъ тѣхъ и другихъ расположенными раздѣлять его мысли (1). Получивъ отъ Андроника вѣжливое, состоящее изъ общихъ фразъ, письмо, Сануто еще разъ писалъ въ 1326 г. въ Константинополь, сильно убѣждая Андроника признать надъ собою власть римской церкви (2). Папа съ своей стороны рѣшился также послать въ томъ же 1326 г. нунція къ Андронику, но приказалъ своему послу прежде отправленія въ Константинополь явиться ко двору неаполитанскому и переговорить съ королемъ и братомъ его принцемъ Тарентскимъ, къ которому вмѣстѣ съ дочерью Екатерины Куртенайской и Карла перешли притязанія на константинопольскій престолъ. Нунцій долженъ былъ узнать намѣренія того и другаго и мнѣнія ихъ относительно религіозно-политическаго союза съ православнымъ востокомъ и обо всемъ подробно отписать въ Авиньонъ (3). Вѣроятно то, что

(1) Еще будто бы онъ узналъ, что къ униі расположенъ и самъ Андроникъ. Узналъ онъ объ этомъ—какъ самъ говоритъ—отъ еписк. Кафы, пришедшаго отъ Андроника.

(2) Ibid. ad an. 1326 n. 24.

(3) Raynald. ad an. 1326 n. 26. Все это видно изъ папскаго письма къ королю неаполитанскому Роберту. Изъ этого же письма видно и то, что Андроникъ писалъ королю Франціи Карлу о своемъ стремленіи имѣть миръ со всеми и въ частности съ христіанами.

узналъ папскій посоль отъ короля неаполитанскаго и его брата, было неблагопріятно для замысловъ Сануто; по крайней мѣрѣ не видно, чтобы нунцій былъ въ Константинополь. Впрочемъ и весь вообще проєктъ Сануто по словамъ Мишо (1) „современники только хвалили, но осуществлять никогда не думали“ (2).

(Окончаніе будетъ).

(1) Ист. кр. пох. ч. IV, 550.

(2) Такимъ образомъ, какъ видно изъ отзывовъ еписк. Кафы объ Андроникѣ, на котораго ссылался Сануто, а также изъ письма, присланнаго къ Сануто самимъ Андроникомъ, этотъ послѣдній какъ будто сталъ нѣсколько прямиряться съ мыслию объ униі. Впрочемъ, дипломатическія письма не могутъ еще служить достаточнымъ основаніемъ для сужденія объ истинномъ расположеніи того или другаго лица, особенно если эти письма состоятъ изъ такихъ общихъ выраженій, какъ письмо Андроника къ королю Франціи, гдѣ говорится о стремленіи императора быть въ мирѣ со всѣми и въ частности, въ особенности съ христіанами. Правда, Андроникъ никогда не былъ самостоятеленъ. Прежде онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ огромной партіи крайнихъ противниковъ униі; теперь же въ послѣдніе годы своего 46-лѣтняго царствованія, когда онъ раздѣлилъ свою власть въ 1325 году съ своимъ внукомъ по имени также Андроникомъ (младшимъ), въ послѣдствіи выказавшимъ болѣе смѣлости и рѣшительности въ сношеніяхъ съ латинянами, онъ могъ поддаться вліянію либеральной партіи, окружившей молодаго Андроника, очень знакомаго, по свидѣтельству Григоры, съ кварталомъ латинянъ въ Константинополь, благодаря своимъ тамъ пожатеніямъ. А можетъ быть даже именемъ своего дѣда тутъ дѣйствовалъ прямо Андроникъ младшій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки